

За кремовыми шторами

Лёля Фольшина

Лёля
Фольшина

*За кремовыми
шторами*

16+

Любовь в зеркале истории

Лёля Фольшина

За кремовыми шторами

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Фольшина Л.

За кремовыми шторами / Л. Фольшина — «ЛитРес: Самиздат»,
2020 — (Любовь в зеркале истории)

Книга входит в авторскую серию "Любовь в зеркале истории" В сборнике исторических новелл «За кремовыми шторами» мы видим жизнь дворянских имений в XIX – начале XX века. Родовые поместья, построенные еще дедами и прадедами, уютные террасы и беседки – здесь течет тихая размеренная жизнь со своими радостями и печалью, любовью и разлукой, надеждой на то, что все будет хорошо и что «именно за кремовыми шторами и жить». До бури, которая сметет эти усадьбы, еще есть время, но ее дыхание уже чувствуется...

© Фольшина Л., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

На заре туманной юности	6
Еще раз про любовь...	10
Разве может быть иначе...	13
И я прощаю...	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Лёля Фольшина За кремовыми шторами

Кремовые шторы... за ними отдыхаешь душой...

А ведь наши души так жаждут покоя...

Именно за кремовыми шторами и жить.

Михаил Булгаков «Дни Турбиных»

Моей России больше нет.

Россия может только сниться,

Как благотворный тихий свет,

Который перестал струиться.

Анатолий Величковский

Мелькайте, мгновенья,

Скользите, века...

Былого река

Уносит мгновенья...

К порогу забвенья

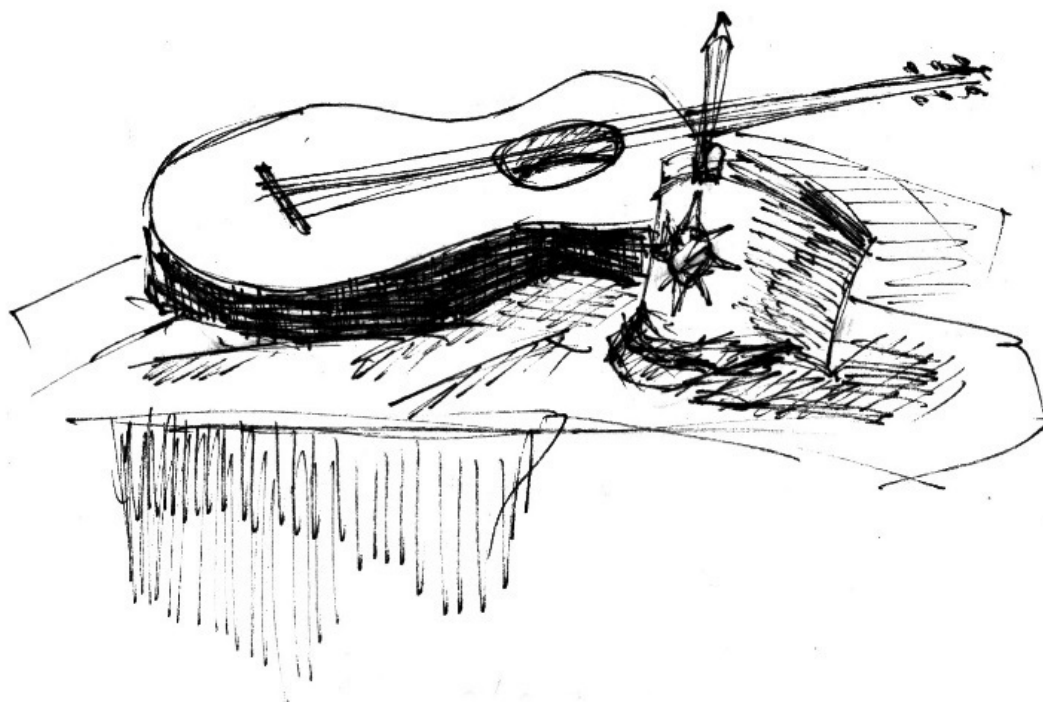
Дорога легка...

Мелькайте, мгновенья,

Скользите, века...

Владимир Палей

О любви в зеркале истории

На заре туманной юности

Имение Малино Весьегонского уезда Тверской губернии, 1883 год

– Дарья Александровна, голубушка, посмотрите, погоды-то какие нынче хорошие стоят, – поручик лейб-гвардии N-ского полка князь Львов удобно обосновался на канapé рядом с креслом графини Dolly Шервинской, наигрывая что-то на гитаре.

– Пусть так, Павел Аркадьевич, возможно, вы и правы, но я уже так уютно устроилась в кресле, что ни о какой прогулке, а тем более – конной, и думать не хочется, – графиня слегка жеманно улыбнулась поручику и продолжила свою работу – она вышивала по канве крестиком букет цветов.

– А может быть на озеро, Dolly? – с недавних пор жившая в имении родственница Шервинских Сашенька Золотарева расправила складки платья и томно посмотрела в противоположный угол террасы на играющих в карты мужчин, – Викентий Сергеевич давеча предлагал на лодке покататься.

– Так то утром было, *ma chérie Alex*, – откликнулся означенный Викентий Сергеевич – крупный мужчина в парусиновом костюме и с уже заметной лысиной – местный предводитель дворянства князь Бобров, – а нынче мы с господами пулечку расписали-с, и пока мне фартит, я с места не двинусь, простите великодушно-с. – Он достал из кармана платок и вытер лоб и шею. – Припекает.

– Dolly, *qu'en dites-vous* (Долли, что скажешь? (фр.)) – Сашенька проигнорировала ответ Боброва и снова обратилась к хозяйке имения.

– Право, *Alex, le prince a raison* (князь прав (фр.)), припекает, что вам так неймется куда-то отправиться? Куда как приятнее сидеть на террасе, сейчас лимонаду прикажу, булочек со свежей ягодой, в шарады можно сыграть, или вот Павла Аркадьевича спеть попросим, – графиня Шервинская несколько неприязненно посмотрела на *cousine*, и тут же ее губы тронула улыбка, когда молодая женщина обернулась к поручику. Его лицо все просветлело от этого небольшого знака внимания, а пальцы быстрее забегали по струнам, настраивая инструмент.

– Что послушать желаете, Дарья Александровна? – карие глаза на миг встретились с голубыми, но графиня тут же отвела взгляд, слегка покраснев и посетовав на жару.

– Давеча вы пели, – встряла в разговор Сашенька, да осеклась и застыла – столь холоден и неприветлив был весь вид графини.

– *Que vous voulez* (что сами пожелаете (фр.)), князь, – Dolly пожалала плечами, стараясь казаться безразличною, хотя на самом деле ее весьма волновал вопрос, какой романс выберет поручик.

...Князь Львов был влюблен в Дашеньку Запольскую (такова девичья фамилия графини) еще задолго до ее замужества, и нельзя сказать, чтобы девушка была к нему равнодушна. Князь даже хотел посвататься, но опоздал – родители сговорили Dolly еще в институте и считали графа Шервинского довольно выгодной партией, посему, едва выйдя из стен Смольного, Дашенька пошла под венец, и когда Павел Аркадьевич навестил Запольских по осени, сестра Dolly Pauline по секрету сообщила ему, что та замужем и в тягости.

Шервинские почти постоянно жили в имении Малино под Тверью – название свое усадьба, как и близлежащая деревня, получили от обилия в здешних местах ягод – граф был домосед, к тому же страдал подагрой и не находил удовольствия в светских развлечениях.

Несколько лет князь и Dolly не виделись – поручик воевал, отличился при Шипке, был награжден, графиня родила одного за другим троих сыновей, двое из которых не дожили и

до года. Она следила за военными успехами Павла Аркадьевича по иногда доходившим до их глуши газетам и разговорам местной знати, ему же про графиню сообщала Pauline, начитавшаяся романов и считавшая себя спасительницей двух влюбленных сердец.

Несколько раз князь порывался приехать в Малино навестить графиню, но повода не находилось – с Шервинским он был знаком лишь шапочно, и этот визит мог вызвать нежелательные толки и сплетни.

Случай представился неожиданно – скончалась дальняя кузина бабушки Львова, отписавшая именно ему свое имение в Тверской губернии. Старый князь Аркадий Павлович хотел его тут же продать, даже покупателя сыскал, но поручик неожиданно воспротивился и, испросив отпуск, поехал осматривать новые владения.

Усадьба Павшино зрелище являла весьма убогое – господский дом требовал ремонта, один из флигелей вовсе развалился, второй же был более-менее пригоден для жилья.

Дохода имение приносило немного, но средств, имевшихся у князя, достало на то, чтобы привести усадьбу в порядок, нанять управляющего, и через год-другой дела Павшина даже пошли в гору. Но не это волновало князя – главное, у него появилась возможность, не вызывая слухов, навеститься к Шервинским на правах довольно близкого соседа – их усадьбы разделяли каких-то десять верст – познакомиться, а затем и подружиться с графом и стать в Малино частым и желанным гостем.

Каких-то особых знаков внимания князь графине не оказывал, оберегая ее репутацию, но была у них одна общая тайна – несколько романсов, которые когда-то пел совсем юный князь Львов Дашеньке Запольской... Эти романсы словно связывали их с прошлым, с юностью, с любовью, с так и нерастроченной нежностью, с тем временем, когда были надежды на счастье, и когда все могло быть иначе. Пел он тогда и «На заре ты ее не буди» Варламова-Фета, и несколько вещей Алябьева на стихи Пушкина, но была одна вещь, которую Дарья Александровна любила особенно – романс Кольцова «На заре туманной юности». Вернее, не то чтобы любила – он ей всю душу наизнанку вывернул, еще впервые как услышала. Тогда ничто не предвещало Дашеньке ее нынешнего положения, все казалось радужным и прекрасным, князь должен был вскорости посвататься... И вот как-то вечером на веранде их имения, прощаясь перед отъездом (Dolly уезжала в столицу, ей предстоял последний год в институте, а сам Львов возвращался в полк), Павел Аркадьевич вдруг запел:

*На заре туманной юности
Всей душой любил я милую:
Был у ней в глазах небесный свет,
На лице горел любви огонь.*

Дашенька уже слышала эту вещь, и слова ей показались какими-то странными, недобрыми, а в устах любимого звучали пророчески, предвещая разлуку и скорбь. Особенно слова

*Не забыть мне, как в последний раз
Я сказал ей: "Прости, милая!
Так, знать, Бог велел – расстанемся,
Но когда-нибудь увидимся..."*

Они потом несколько дней не давали ей покоя. Дашенька гнала прочь дурные мысли, но, приехав на Рождество домой, узнала, что просватана, и венчаться будет как только выпустится. Она тогда несколько ночей плакала в подушку, но перечить отцу не посмела.

Граф оказался добрым человеком, приятным собеседником, особенно своим обществом Дарье Александровне не докучал, об умерших малютках горевал вместе с нею, и, наверное, даже любил chère Dolly, но ее собственное сердце оставалось рядом с ним холодным и пустым. Поцелуи мужа не заставляли сердце стучать сильнее и кровь быстрее бежать по венам, ласки его не были ей ни приятны, ни противны, они просто не вызвали никаких ощущений. Годы шли, жизнь утекала, как песок меж пальцев – тихая, спокойная, унылая, бесчувственная...

Когда неожиданно в Малино появился Львов, Дарья Александровна сначала испугалась, потом смутилась, потом обрадовалась. Его появление всякий раз вызывало в ее душе томление юности, грусть о несбывшемся и надежды на то, что еще что-то может быть. Потом, когда-нибудь...

Родственницу мужа Сашеньку Золотареву графиня не то чтобы не любила, напротив, она относилась к сироте сочувственно, даже старалась устроить ее судьбу, но та неожиданно выбрала предметом увлечения местного предводителя – вдового и в годах, а он своим вдовством вовсе не тяготился и явно не торопился снова под венец, предпочитая общество дам легкодоступных. Сашеньке же надо было выйти замуж в самое ближайшее время – на Пасху ей минуло девятнадцать, красотой и умом девушка не блистала, да и приданого особо большого Шервинские за ней дань не могли. И вот нынче поутру между графом и Dolly состоялся весьма неприятный для последней разговор – граф просил супругу поговорить с князем Львовым, на которого, как он заметил, она имеет некое влияние, чтобы тот женился на Сашеньке. Доводов в пользу этого брака Шервинский приводил достаточно, и умом понимая, что муж в чем-то прав, сердцем Дарья Александровна не могла смириться с тем, что потеряет любовь своей юности.

Прогулка дала бы им возможность поговорить tête a tête, но именно этого приватного разговора Dolly не хотела.

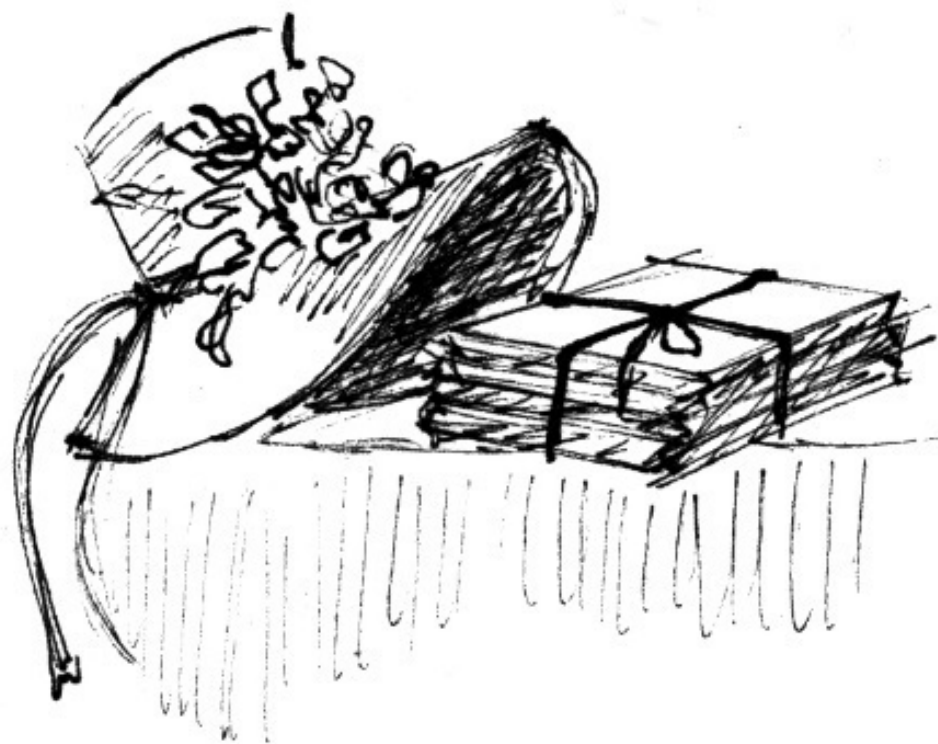
Вышивая букет, она все думала над утренним разговором с мужем и загадала, что если князь станет петь и выберет тот самый романс, что когда-то, она скажет ему о желании мужа и даже попробует уговорить жениться, если же нет, промолчит, и все останется, как раньше...

– Que vous voulez, – повторила графиня и улыбнулась поручику.

Он настроил инструмент, зазвучали первые аккорды...

Улыбка графини стала какой-то мечтательной, взгляд подернулся легкой грустью. «Ну что ж, – подумалось ей, – значит, так должно...»

*"Не ходи, постой! дай время мне
Задумишь грусть, печаль выплакать,
На тебя, на ясна сокола..."
Занялся дух – слово замерло...*

Еще раз про любовь...

Имение Прилучино Богородицкого уезда Тульской губернии, 1864 год

Матушку Синклитикию похоронили на монастырском кладбище 3 июля 1864 года. Она тихо отошла ко Господу, отговев Петровым постом и приобщившись на самый праздник. Вечером почувствовав себя дурно, матушка позвала келейницу Агафью, попросила передать ее вещи – старый фибровый чемоданчик – приемному сыну Алексею, потом вздохнула, перекрестилась и, улыбнувшись, упокоилась. Послушница испуганно закричала и кинулась вон из кельи, шепча побелевшими губами: «Господи, помилуй».

Какое-то время в келье стояла тишина, слышно было только, как слегка потрескивает свеча в забытом на столе подсвечнике.

Потом пришли сестры обрядить покойницу, начали читать Псалтирь, сменяя друг друга в головах почившей.

Агафья все переживала, что приемный сын матушки Синклитикии Алексей Павлович Горский к отпеванию не успеет, хоть телеграмму ему тотчас отправили, да далеко больно ехать-то, но Господь все управил.

Горский приехал на похороны, сделал приличный взнос на нужды обители – человеком он был состоятельным – и тронулся в обратный путь, захватив с собой чемоданчик. Дома дела и заботы закрутили его, и о вещах покойной матушки Алексей Павлович вспомнил лишь спустя пару недель.

Каково же было удивление, когда, открыв чемодан, он обнаружил внутри несколько перевязанных розовой лентой писем, бальную записную книжку, длинные кружевные перчатки и изящную шляпку с цветами.

Горский был поражен и заинтригован – сколько он помнил матушку, одевалась она в закрытые платья приглушенных тонов, шляпки носила без цветов и украшений, да и на балы не ездила, хотя имела такую возможность, поскольку происходила из знатной и богатой семьи.

Елена Дмитриевна – так звали матушку Синклитикию в миру – вообще не любила отлучаться из имения, и в гости к ним тоже почти никто не ездивал: ни друзья, ни родные.

Лишь однажды, как раз перед поступлением в корпус, татап возила Алешу в столицу в большой красивый особняк. Все там настолько поразило мальчика, что он еще долгие годы вспоминал сей визит, лежа ночами под одеялом в холодном дортуаре.

Матап представила его худому высокому старику с водянисто-синими очень строгими глазами. Тот пристально посмотрел на мальчика, кивнул, вроде даже как удовлетворенно, и что-то сказал Елене Дмитриевне. Разговор велся на французском, который Алеша плохо тогда разумел, так что он почти ничего не понял, но по тому, как просияла татап, догадался, что понравился старику.

Во время учебы мальчик несколько раз видел этого старика за воротами корпуса на прогулке – тот прохаживался по улице, прямо держа спину, и лишь слегка опираясь на резную трость, и смотрел за гуляющими мальчиками, но стоило Алеше поднять голову, мужчина тут же делал вид, что оказался тут абсолютно случайно.

Как-то по весне Елена Дмитриевна приехала в черном платье, и хоть она ничего не сказала Алеше, он догадался, что старик умер, и ночью долго плакал в подушку, сам не зная, отчего...

Окончив курс, Алексей поступил в Академию и сделал весьма успешную карьеру. Матап намекала, что давно пора жениться и завести семью, но он никак на этот шаг не решался.

Когда же Елена Дмитриевна собралась в монастырь, Алексей сильно расстроился и долго уговаривал ее этого не делать, а отвезя татап в обитель, почувствовал себя пусто и одиноко.

Вскоре Алексей вышел в отставку, женился, по совету тестя удачно вложил деньги в ценные бумаги, купил дом в столице и хорошо его обставил, но приезжал туда только на Сезон, продолжая много времени проводить в старом имении, где прошло его детство.

Супруга его деревенскую жизнь не жаловала, потому большую часть года жили они раздельно, не особо, к слову сказать, тяготясь этим обстоятельством, поскольку родными друг для друга так и не стали. И вот сейчас, сидя над раскрытым чемоданом, Алексей неожиданно осознал, что потерял самого близкого человека...

Поколебавшись немного, он развязал ленточку и, взяв в руки письма, начал читать.

«...апреля 1828

Дорогая моя несравненная Еленушка. С началом войны мне пришлось вернуться на корабль, но, надеюсь, кампания продлится недолго, все идет к тому, чтобы немного повоевать и замириться...

Вспоминаю, как ты провожала меня на крыльце, твоё платье, плащ, летящие волосы, шляпку. Жаль, что ты не дала мне даже ленту на память, сейчас бы смотрел на нее и представлял, что ты рядом. Хотя ты и так всегда со мной, любимая...

Твой Алексей»

«....июля 1828

...Родная, ты уверена? Не представляешь, как я счастлив. Целую твои глаза, губы, волосы, твою милую шляпку. Люблю тебя, вас, твой Алексей».

«....октября 1828

Лёлюшка моя, солнышко ненаглядное, прости, что тебе приходится все это терпеть, но в военное время отпуск получить невозможно даже по такой уважительной причине. Моя огромная признательность старой графине за то, что она приютила тебя, вопреки воле своего сына. Знаю, она всегда любила меня и радовалась за нас, нижайше прошу у нее прощения. Целую тебя, любимая, вечно твой Алексей»

«...февраля 1829

....как долго идут письма, я так тоскую по тебе, любимая, и по нашему сыну, хочу обнять и расцеловать вас наяву. Как только вернемся, подам прошение об отставке... Родная, ты приехала мне сегодня на том нашем бале в марте, помнишь? А музыкальную комнату я не забуду никогда, и твои глаза в момент наивысшего счастья, которое ты мне подарила... И наша прогулка на следующий день, ветер, норовивший сорвать с тебя шляпку...

....целую нежно, твой Алексей»

Последнее в стопке письмо было написано другим почерком и истерто до дыр

«...октября 1829

с прискорбием сообщаем, что Ваш жених мичман Алексей Д. скончался от ран 3 сентября¹ 1829 года...»

¹ речь идет о войне с турками, которая была объявлена 14 апреля 1828. Мир подписан 2 сентября 1829. Мичман Д. умер в первый день мира.

Достав из чемодана шляпку матери, Алексей Павлович прижался к ней лицом и заплакал: «Мамочка, родная, если б я знал... Спасибо, спасибо тебе за все».

Разве может быть иначе...

Имение Мордвиново Жиздринского уезда Калужской губернии, 1895 год

– Зоенька, Зоя Ниловна, поедemте кататься, – графиня Ксения Сергеевна Мордвинова стояла возле террасы в новой вишневого цвета амазонке и улыбалась своей гостье княжне Завадской. Вишневый цвет удивительно шел молодой женщине, и вся она лучилась счастьем предвкушения прогулки, радостного солнечного дня, любви мужа (пара недавно вернулась из свадебного путешествия), и готова была этим своим счастьем и радостью объять весь мир.

– Езжайте одна ma chérie, – миниатюрная блондинка в светлом платье подняла голову, – право, желания нет, – она прикрыла книгу, которую читала, заложив пальчик между страниц, – очень дочитать хочется, – немного виноватая улыбка озарила миловидное лицо Зои.

– Но в поле нонче так вольготно, не жарко и ветерок, – продолжала настаивать графиня, – август – месяц переменчивый, как зарядят дожди, еще насидитесь в комнатах.

– Не невольте, Ксения Сергеевна, – покачала головой княжна, – да у меня и амазонки нет, а ваши мне вряд ли впору будут, – она прошла взглядом по высокой и довольно крупной фигуре хозяйки дома.

– Так Лизонькины есть, они точно вам сгодятся, – напомнила та, явно не собираясь сдаваться.

Елизавета Николаевна, младшая сестра графа Мордвинова, обучавшаяся в Смольном институте и уже уехавшая в столицу, была в самом деле столь же субтильна и невелика ростом, как Зоя Ниловна.

– Будь по-вашему, – улыбнулась княжна, – пойду переоденусь, все одно не отстанете, – она встала и направилась в дом, на ходу бросив, – только к реке поедem, там хорошо.

Не прошло и полчаса, как две всадницы в сопровождении молодого конюха Игната выехали из усадьбы и направились к реке, вернее, небольшой речушке Наре, межевавшей два имения – Мордвиново и Веселое, ранее принадлежавшее князю Новосельцеву, умершему нынешней зимой.

В людской судачили, что старый князь, не имея прямых наследников, отписал все дальнему родственнику, а тот, не желая обременять себя пришедшим в упадок имуществом, продал Веселое. Ходили и иные слухи, что де новый хозяин имение в карты проиграл, правды же не ведал никто. Вот и пришло Зое в голову проехаться до реки, а там, может быть, и в соседские владения заглянуть – девицей она была весьма любопытной и рискованной, особенно когда догляду должного не имелось.

Матушка молодой княжны приходилась кузиной Сергею Павловичу Мирскому – отцу Ксении, была она небогатой вдовой в годах достаточных, к тому же обремененной болезнями и тремя младшими детьми, потому, едва только Ксения Мирская вышла замуж, Анна Аркадьевна Завадская написала родственникам слезное письмо с просьбой помочь пристроить заневестившуюся старшую дочь, которой в декабре минет уже восемнадцать. Так Зоя оказалась в Мордвиново.

По осени граф намеревался перебраться с супругой в столицу, где и надеялся позаботиться о молоденькой родственнице. Зоя была миловидна, неглупа, достаточно образованна, так что Мордвиновы полагали устроить ее судьбу в первый же Сезон.

А пока девушка скрашивала дни графини, не привыкшей к усадебной жизни и находившей ее невероятно скучною, и блистала на уездных балах.

Нельзя сказать, что Зоя Ниловна была красива, но ее миловидное лицо с большими голубыми глазами особенно преображалось, когда девушка улыбалась. Княжна неплохо пела, и местные ловеласы с удовольствием переворачивали ей ноты, бальная карта ее тоже всегда была заполнена – Зоя танцевала легко и грациозно, и видно было, что сие занятие доставляет ей удовольствие.

– Ксения Сергеевна, поедemте на тот берег? Там, смотрите, дерево большое, и место рядом, как раз в тенечке посидеть. Жаль, корзинку с едой с собой не захватили, так аппетит разыгрался на свежем воздухе, – княжна посмотрела на спутницу.

– А поедem, в самом деле, и потрапезничаем: за провизией Игната отправлю, граф раньше вечера от предводителя не воротится, так что нотации читать нам некому, – рассмеялась Ксения, – вперед. Хотя нет, сейчас Игната отошло, – с этими словами она подозвала ехавшего чуть в отдалении слугу и приказала ему вернуться в имение за съестным. – И побыстрее, милейший, да не забудь, вина хорошего бутылку возьми. Сам не выбирай, пусть Яков, буфетчик расстарается (старый граф, прадед нынешнего, был крайне охоч по части спиртного, в подвалах имения чего только не было, и буфетчика держал специально обученного: тот знал, какой выдержки вина когда подавать, а за любой промах был нещадно бит на конюшне; должность сия стала потомственной, и этот Яков был правнуком тому, которого обучал сам Петр Христофорович – первый владелец Мордвинова).

В глазах парня читалось явное недовольство и тем, что придется оставить барыню и барышню без присмотра (крутой нрав хозяина был всем известен, и, случись что, крепко взыщет граф с Игната), да и самим поручением графини, но ослушаться он не посмел.

Едва лошадь конюшего скрылась за деревьями, и стук копыт стал еле слышным, дамы приступили к осуществлению задуманного. Речка в том месте, где они пустили лошадей, была в самом деле мелка, но скоротечна. Ксения быстро оказалась на другом берегу, а вот кауряя, на которой ехала княжна, замешкалась. Она осторожно переставляла в воде свои тонкие ноги, прядала ушами и словно боялась чего-то.

– Давай, давай, красавица, вперед, ты сможешь, – уговаривала Зоя свою Метелицу, но та никак не хотела переправляться, словно знала, что за рекой – чужая территория. Зоя натянула поводья, чтобы принудить упрямыцу, копыто животного поскользнулось на мокром камне, кауряя дернула вперед, и вот уже обе – и лошадь, и всадница – в воде. И все бы ничего – мелководье, вода теплая, да течение быстрое, и само падение неудачно – Метелица придавила ту ногу княжны, которая в стремени, и девушка оказалась словно в плену: никак не выбраться.

Испуганная графиня стала звать на помощь, понимая, что сама не в силах ничего сделать, и молиться, уповая на милость Божию. Дальнейшее произошло быстро просто до невероятности. Со стороны Веселого послышался конский топот, и через пару минут на берегу появился всадник на ахалтекинце редкой изабелловой масти. Он почти молниеносно спешился, бросив графине поводья, и еще через мгновение послышалось радостное ржание Метелицы, освобожденной от груза всадницы, а потом и сама она оказалась на берегу.

– В седле сможете удержаться? – мужчина без малейшей тени улыбки смотрел на Зоеньку.

– Да, – робко кивнула княжна, растерявшая от испуга весь прежний задор.

– Вот и ладушки, – кивнул мужчина, обвел глазами обеих женщин и, сообразив, что в спешке не назвал своего имени, поклонился и произнес, обратившись к Ксении, – не имею чести быть вам представленным, графиня, но видел вас еще по весне на бале, а после прочел о венчании в газетах, прошу простить мою вольность и разрешите представиться – полковник в отставке Георгий Александрович Неделин, с недавних пор хозяин Веселого и ваш сосед. Нынче не до церемоний, надо поспешить доставить вашу спутницу в тепло, и доктору показать.

– Графиня Ксения Сергеевна Мордвинова, – молодая женщина протянула полковнику руку для поцелуя, – моя родственница княжна Зоя Ниловна Завадская, – представила она мужчине Зоеньку. – Помогите мне сесть на лошадь.

Жорж Неделин, высокий крупный мужчина, недавно отметивший тридцатипятилетие, отличился в свое время в Русско-турецкой войне, за что получил Анну с бантом и производство в следующий чин, и потом успешно продвигался по карьерной лестнице. Веселое он выиграл в карты пару месяцев назад. Обзаведшись недвижимым имуществом, вышел в отставку с правом ношения мундира, третьего дня вместе с другом лейб-медиком Карлом Оттовичем Дорфманом впервые пожаловал в имение и сегодня решил объехать свои владения и, вот же оказия, предстал героем в глазах *une jeune fille à marier* (юной барышни на выданье (фр.)). Восхищение спасителем явно читалось в глазах Зоеньки и когда они все вместе ехали в Веселое, и полковник скакал рядом с девушкой, поддерживая ее, и когда она лежала после на диване в гостиной, одетая в лучшее платье его экономки и с подложенной под ногу подушкой (доктор констатировал сильный ушиб и прописал покой), и после, когда они все вместе пили чай со спешно приехавшим от предводителя графом. Полковник и сам постоянно украдкой поглядывал на княжну, такую милую и застенчивую, явно смущенную всем происшедшим и теми хлопотами, что она доставила хозяину Веселого.

– Вы уж простите, граф, что не домой, а в свое имение, – Неделин отсалютовал Александру Николаевичу Мордвинову бокалом бренди, – но тут и ближе немного, и берег пологий, а с вашей стороны круче, да и доктор у меня в гостях, сразу и осмотрел.

– Право, Алекс, Георгий Александрович спас Зоеньку, да и репутации ее тут ничего не угрожает, поскольку и я здесь, и домоправительница в имении проживает, – Ксения поставила на столик чайную пару и ласково дотронулась до руки мужа. – *Ne te fâche pas, mon ami* (не сердчай, мой друг (фр.)), лучше прикажи экипаж подать, в объезд по мосту домой вернемся, а прислуга верховых приведет.

– Твоя правда, *mon cœur*, твоя правда, – граф накрыл ладонью узкую ручку жены, – так и сделаем.

– Я верхового пошлю в Мордвиново за экипажем, – кивнул всем хозяин Веселого и вышел из гостиной.

Когда слуга доложил, что экипаж подан, Морвинов на правах родственника поднял Зою на руки, вынес из дома и осторожно усадил в коляску, а полковник молча стоял на крыльце, отчаянно пытаясь скрыть, как ему хотелось в эти мгновения оказаться на месте графа. Жорж отказывался понимать, что с ним такое, а в ответ на подтрунивания Дорфмана ушел в кабинет и так и просидел там всю ночь с графином бренди, выпив, правда, всего один бокал.

Утром, едва выждав положенный для визитов час, полковник надел парадный мундир и отправился к соседям справиться о здоровье Зои Ниловны, Зоиньки, как он называл девушку в мыслях.

Весь август Жорж ездил в Мордвиново ежедневно, и хозяева охотно приглашали его на обед, ужин, музыкальный вечер или импровизированный бал, а Зоя в обществе полковника просто расцветала.

Александр Николаевич осторожно навел справки о соседе и, выяснив, что тот вполне состоятелен, в любви к азартным играм и разным другим мужским слабостям не замечен, в карты садится редко, и всегда выходит с прибылью, как и в тот раз, когда выиграл Веселое, поговорил с супругой, и решил не препятствовать ухаживаниям Неделина за княжной. Жорж же при молчаливом попустительстве Мордвиновых с радостью принялся очаровывать Зою. Он неплохо играл на пианино и на гитаре, недурно пел баллады и романсы хорошо поставленным баритоном, и великолепно танцевал, что было удивительно при такой комплекции.

– Вот не ожидала от нашего соседа, – сказала Ксения мужу, наблюдая, как полковник ведет Зою в мазурке. – Un ours, de foi (медведь, увалень (фр.)), а как gracieux (грациозен (фр.)), и как они удивительно гармонично смотрятся, не правда ли?

– La belle et la bête, – усмехнулся Александр Николаевич, – хотя, пожалуй, Жорж не лишен привлекательности. Наша Зоенька его расколдовала.

– Не говори глупостей, Алекс, они прекрасная пара, – Ксения легонько ударила мужа веером.

– А ты – une belle entremetteur (прекрасная сводня (фр.)), – граф ловко увернулся от веера и повел супругу танцевать.

Ехать в столицу решили на Пимена, потом отложили до после Покрова – в местном храме был в этот день престольный праздник, и батюшка приезжал просить Александра Николаевича непременно почтить сие событие своим присутствием. Граф не мог отказать.

После Покрова неожиданно зарядили дожди, и развезло дороги, и стало понятно, что даже на Казанскую путь вряд ли наладится. Решено было задержаться еще и трогаться по первопутку, и вот как-то дождливым осенним вечером Зоя и Неделин сумерничали в гостиной. Графиня, сказавшись больной, ушла отдыхать, граф должен был вот-вот вернуться от предводителя. В канделябрах горели свечи, создавая в комнате полумрак, в кресле дремала старая нянюшка, призванная защищать репутацию княжны, Жорж что-то тихо наигрывал на пианино, а Зоя стояла напротив, облокотившись об инструмент, и наблюдала за полковником из-под ресниц.

– Зоя Ниловна, – Неделин неожиданно оборвал игру и, подняв голову, посмотрел на княжну. – Зоенька, – имя сорвалось с его губ прежде, чем он успел подумать, что произносит его вслух, и это absolument pas comme il faut (совершенно неприлично (фр.)), а на колено у ног княжны он опустился еще быстрее. – Зоя Ниловна, наверное, я слишком тороплюсь, но вы скоро уедете, и кто знает, будет ли еще возможность объясниться. Я... – он на миг замолчал, словно спазм сдавил горло и мешает говорить, – я... люблю вас, прошу, составьте мое счастье, позвольте просить вашей руки у графа.

Зоя молчала, не в силах вымолвить ни слова. Молчал и полковник. Через пару мгновений ему показалось нелепым стоять на коленях, и он быстро поднялся, а потом, не глядя на все еще молчащую Зою, тихо произнес:

– Извините за беспокойство, я... я пойду – и, повернувшись через левое плечо, скорым шагом направился к двери.

– Георгий Александрович, – голос Зоеньки зазвенел слезами, – стойте, куда вы? – Она быстро подбежала к полковнику и, остановившись совсем рядом с ним, дотронулась до рукава мундира Неделина. – Вы абсолютно несносны, Жорж, все так неожиданно, – княжна ткнулась головой в его спину, – я... я просто растерялась. А вы – бежать. Не смейте, слышите, не смейте убегать от меня, я не позволю, – Зоя пыталась шутить, чтобы он не понял, насколько она расстроена. Ей было и страшно, и неловко, и радостно одновременно.

Жорж резко повернулся и, наклонившись, взял лицо княжны в свои большие ладони и внимательно посмотрел ей в глаза. Она хотела сперва прикрыть веки, чтобы уйти от его обжигающего взгляда, и не смогла.

– Зоенька, – голос полковника сбивался от переполняющих чувств, – как увидел вас у реки, так только об вас одной и думаю, околдовали вы меня, нет мне жизни без вас. Всегда любить буду и все сделаю, только бы вы были счастливы, – он наклонился еще ниже и слегка прикоснулся губами к ее губам, а она, встав на носочки, потянулась к нему, чтобы быть ближе. Приникла, обнимая за шею и запутавшись пальцами в его кудрявых волосах, а он подхватил, чтоб не упала, и прижал крепче, жадно целуя.

Скрипнула дверь, графиня прижала руки к губам, едва сдержав возглас удивления, а граф осторожно покашлял, возвращая влюбленных из мира грез.

– Алекс, – Неделин ничуть не смутился тому, что хозяева именина застали его в столь пикантный момент, – ты как нельзя более вовремя. Графиня, – он поклонился Ксении, продолжая приобнимать Зою за талию. – Только что я просил Зою Ниловну стать моей женой, и она согласилась. Понимаю, что должен был сначала вас известить, но... не сдержался.

– Я возражать не стану, Георгий Александрович, – первой ответила графиня. – Поздравляю вас обоих.

– Зоенька, Жорж, – граф перевел взгляд с одного на другую, – если честно, я давно этого ждал, потому и отъезд откладывал, поздравляю.

– Алекс, да как вы, – Зоя шутливо погрозила графу пальчиком и засмеялась, а потом счастливым взглядом посмотрела на Неделина, и пока хозяева отвлеклись, распорядясь зажечь побольше свечей и подать шампанского, тихо прошептала, – и вас, Жорж я тоже не выдам, и хоть вы так и не просили моей руки, отвечу вам «да», – и радостно засмеялась.

Осознав свою оплошность, полковник мучительно покраснел, снова, как давеча у пианино, встал на одно колено и, достав из кармана старинный перстень с большой жемчужиной в обрамлении каких-то камней помельче, осторожно надел его на палец Зоеньке.

– Это наше семейное обручальное кольцо, мой отец надевал его моей матери, когда просил ее руки, а когда-нибудь и наш сын наденет его своей невесте, – негромко произнес Жорж и поднялся на ноги, не выпуская руки Зои.

Прошло четыре года... В канун Новолетия в Веселом давали бал по случаю наступления не только нового года, но и нового – двадцатого – века.

Проводив гостей, Жорж с Зоей зашли в детскую и с улыбкой остановились у кровати сына – на Рождество маленькому Алексу исполнилось три года.

– Как же я счастлив, Зоенька, несказанно, неимоверно, просто удивительно счастлив. Спасибо тебе, родная. Порой даже кажется, что такого счастья не бывает, и непременно что-то случится, – Неделин взял своими большими руками маленькие ладони жены и начал осторожно целовать каждый пальчик.

– Что ты, Жорж, как можно, – Зоя ласково посмотрела на мужа. – Начинается новый, двадцатый век, и он будет просто замечательным, а мы будем счастливы всегда, я в это верю. Разве может быть иначе?

И я прощаю...

*Что дружба? Легкий пыл похмеля,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья
Иль покровительства позор.*
А.С. Пушкин

1904 год...

Поезд медленно шел на восток. Поручик Михайлов лежал на полке, закинув ногу на ногу, и думал. О жизни, друзьях, любимой девушке.

«Как получилось, что он в одночасье лишился всего, чем жил последние несколько лет? Дома, службы, товарищей, Анечки? Как вышло, что сейчас он в этом вагоне, едет в далекий и совершенно не милый его сердцу Порт-Артур? Он – блистательный офицер, имевший высшие баллы по всем предметам в Александровском военном училище, с блеском окончивший Академию и поступивший на дополнительный курс – едет в захолустный гарнизон, на окраину, к хунхузам». Вспомнив грибоедовское «В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов», Михайлов усмехнулся. Вот он едет в действительно непроходимую глушь из-за собственной, столь же непроходимой тупости.

Состав погромыхивал на стыках, убаюкивая, но поручику не спалось. Едва закрыв глаза, он видел лицо Анечки. Заплаканное, с опухшими глазами и мокрыми ресницами, на которых дрожали капли слез. Ему так хотелось их вытереть, обнять девушку, прижать к себе, успокоить, но едва он сделал шаг к ней, Аня гордо подняла голову, а потом и вовсе встала и отошла к окну.

– Александр Николаевич, подите прочь, – голос ее звенел металлом. – Довольно, я не стану оправдываться. Если вы... да как вы могли только подумать? – она замолчала, махнув рукой. – Уходите. Видеть вас не желаю, никогда. Слышите, никогда!

И он ушел. Повернулся по-военному, через левое плечо, щелкнул каблуками и ушел.

Он был уверен, что прав, но почему тогда так щемило сердце? На этот вопрос Михайлов ответить не мог.

Поезд остановился на какой-то станции. Пассажиры высыпали на перрон, громко разговаривая, радуясь теплему дню. Вышел и поручик. Купил у розовощекой бабы картошки в мундирах за три копейки, с наслаждением затащившись, выкурил папиросу и вернулся в купе. Поев, снова улегся на полке. Вспомнилось, как когда-то, в корпусе, мальчишками, посылали дядьку Прохоренко в лавочку – купить кренделей. Михайлов-то сам редко когда бывал при деньгах, но у его лучшего друга, Кирилла Извольского, гривенник или пятиалтынный всегда был в зашпине. Маменька баловала единственного сына-кадета. Сахарные крендели стоили алтын за пару, ну и полушку дядьке за труды.

Забравшись вдвоем на кровать Извольского, Саша и Кирочка грызли кренделя, растягивая лакомство как можно дольше, и делились своими мальчишескими тайнами.

Дружба меж ними началась в самый первый день, когда мальчиков привели в кадетский корпус. Извольского – маменька, вдова артиллерийского генерала, имевшая собственный дом в Москве и в столице, а также два имения – в Орловской и Смоленской губерниях, и постоянно выезжавшая на воды в Карлсбад. Единственного сына Пелагея Матвеевна любила и никогда не отдала бы его в военные, но деверь, ведавший всем состоянием ее покойного мужа, сказал,

что буде мальчика в корпус не определят, содержания своего вдова лишится. Кир поступил в корпус, и денег на карманные расходы сыну маменька не жалела.

Отец же Михайлова был отставной военный, обедневший мелкопоместный дворянин. Вдовый, неудачливый по жизни, проигравший подмосковное имение в карты и теперь вынужденный вместе с сыном жить в Москве, в старом флигеле имения своего дядюшки. Денег Николай Евграфович не имел, но служил в свое время исправно, а потому выхлопотал сыну место в корпусе, и того приняли на казенный кошт.

При воспоминании о родителе Михайлов улыбнулся. При всем ужасном характере старика, он любил его нежной сыновней любовью и переживал, что огорчил отца, устроив такой фортель с переводом в Порт-Артур. Сейчас Саша это ясно понимал, но в тот момент, когда подавал прошение об увольнении из Академии, вряд ли способен был рассуждать здраво, думать о чем-то, кроме произошедшего.

Аня, Анечка, Нюта, – имя девушки словно выстукивали колеса поезда. Имя, с которым Саша засыпал и просыпался много лет. Имя, которое теперь он должен был забыть навсегда.

Проснувшись на какой-то станции, Михайлов вышел на перрон покурить, накинув на плечи шинель. Уже порядком стемнело, и он прогуливался вдоль вагона, глядя на огонек папиросы и думая о прошлом. Небо было звездным, совсем как тогда, под Смоленском, в летних лагерях, когда они с Кирой лежали на сеновале и разговаривали, мечтая о будущем.

У Извольского все было ясным и простым – Академия генерального штаба, а там маменька или дядя выхлопочут теплое место в столице. Перед Сашей же явственно маячил какой-нибудь дальний гарнизон, потом, в туманной перспективе, возможно, Академия, а после... так далеко он даже не загадывал.

Не думал он тогда, что его самым смелым мечтам суждено будет осуществиться...

С самого начала учебы Саша был первым по успеваемости в классе, Кира – одним из последних. Совсем уж скатиться на нуль ему не позволял Михайлов, который сначала пытался учить друга, разбирая с ним сложности математических формул или грамматические правила родного и иностранного языка, а потом просто давал ему списывать – никакая премудрость в голову Извольского не лезла. Он был из тех фонвизинских недорослей, которым не нужна география, потому что ямщик доведет. Единственной страстью Кира были книги. Читал мальчик запоем, а потом, по ночам, в дортуаре, рассказывал мальчикам разные истории – частью выдуманные, частью где-то прочитанные. Рассказывал столь интересно, что даже дядьки-дежурные приходили послушать, тихонько сидя на скамеечке у печки и ожидая продолжения.

Мальчиком он был добрым, очень любил свою маменьку, не желая ее огорчать плохими отметками, а та нещадно баловала сына – единственную отраду и кровинушку.

Закончив кадетский корпус, друзья вместе поступили в Александровское юнкерское училище на Знаменке и так и ходили всегда и везде вдвоем. Не было у них и секретов друг от друга, и когда Кирилл стал играть в карты на деньги, Саша много раз предупреждал его, что ни к чему хорошему это не приведет, да только друг его не слушал...

– Вашбродь, зайдите в вагон – поезд отправляется, – пожилой усатый проводник прервал мысли Михайлова, и поручик поднялся по лесенке в тамбур. – Может, чайку спроворить? Это мы мигом, – проводник улыбался в усы, после чего Саше в самом деле захотелось чаю.

– Да, пожалуйста, стаканчик, сделай милость, – кивнул он проводнику и прошел дальше на свое место.

– Пожалте, Вашбродь, сахарку изволите? И шанежки домашние, кума у меня на этой станции живет, вот принесла, теплые ишшо. Смотрю, Вас в дорогу-то не снарядили. Давеча видел – бульбу брали у молодки, – тараторил проводник, расставляя на столе стакан с чаем в серебряном подстаканнике, тарелку с шанежками и сахарницу. Потом, видя, что пассажир не больно разговорчив, откланялся и вышел.

Шанежки в самом деле оказались теплыми и вкусными, чай крепким и горячим, и Михайлов взбодрился, отвлекшись от невеселых мыслей.

Выйдя в коридор, он встал у окна, глядя на пробегающий за ним пейзаж средней полосы России, столь любимый им и теряемый теперь на неизвестное время.

Что ждет-то в этом Артуре?

Снова разные мысли затеснились в голове поручика, все больше о Кирилле и об их такой странной для многих дружбе – настолько Саша и Кир были разными.

В училище все было иначе, чем в корпусе: новые предметы, более сложные и требовавшие времени на подготовку; новые дядьки, гораздо строже следившие за своими питомцами; первые влюбленности; балы и рауты; много новеньких, с которыми тихому Михайлову сложно было уживаться. Он не терпел скабрзностей в речи, сальных разговоров о противоположном поле, драк на кулачках просто потому, что хочется размяться, не переносил лжи и бахвальства, а превыше всего ставил честь и достоинство.

При этом Саша не был трусом, хотя сам никогда ни к кому не лез, но вызванный на бой, дрался яростно и большей частью выходил победителем. Однажды он был сильно избит юнкерами второй роты за то, что вступился за Извольского.

Как потом выяснилось, Кир был сам виноват – проигрался в пух и прах, не мог отдать долга. Юлил, выкручивался и, в конце концов, был почти пойман на краже денег у такого же, как он, юнкера. Вот это «почти» и клятвенные уверения друга, что денег он не брал, с игрой завяжет и больше никогда и ни за что, позволили Михайлову вступить и прекратить разборки. В тот же вечер, когда он возвращался из увольнения, его поймали четверо парней и жестоко избили. Кирилл был в гневе, требовал от Саши выдачи начальству тех, кто его бил, для расправы над ними. Друзья тогда крупно повздорили.

– Кир, пойми, не могу я доносить! Сроду таким не занимался, – Саша прикладывал принесенный деищиком из лавки кусок говядины к «фонарю» под глазом.

– Сашка, но они ж избили тебя. Ты знаешь, кто, это недостойно будущего офицера, – никак не мог успокоиться Извольский.

– Недостойно? А в карты играть достойно? Деньги чужие брать достойно? – Михайлов вопросительно посмотрел на друга.

– Саша, я... но ты же, – залепетал Кирилл, бледнея, – ты знал?

– Догадывался. Надеюсь, ты найдешь в себе силы попросить денег у матери или у дяди и как-то вернуть их Олсуфьеву? Помни – ты обещал.

– Помню, – вздохнул Извольский, но тут же начал кричать и ругаться, доказывая, что Михайлов ничего не понимает, денег взять негде – ни мать, ни дядя не дадут – а единственный способ достать их – сесть за карточный стол.

– Кир, мы с тобой друзья с корпуса, ты дорог мне как брат, но этой затеи я не поддерживаю. Если пойдешь играть, расскажу все ротному. Пойми, для тебя же, дурака, стараюсь, погибнешь ты там.

– Сам ты дурак, и ничего не понимаешь! – Кирилл выбежал из дортюара и до вечерней проверки бродил где-то, не показываясь на глаза Михайлову. А ночью, когда все спали, перебрался к нему на кровать, где они долго придумывали, как выйти из непростой ситуации, в которую Извольский себя загнал.

– Вашбродь, станция скоро, – мимо прошел давешний проводник, и поручик вернулся к действительности, – через пять минут прибываем да полчаса постоим. Ночь-то какая звездная, морозец небольшой. – Михайлов кивнул, соглашаясь, и прошел в купе за шинелью и портсигаром – снова хотелось курить.

Едва поезд затормозил, поручик поторопился к выходу, споро надевая шинель в рукава. На улице в самом деле было морозно, но не зябко – стоявший на соседней платформе состав загоразживал их от ветра. Остановившись недалеко от своего вагона, Саша сунул руки в карманы и поднял голову – темное звездное небо расстиралось куполом, прямо над ним мигая созвездием Кассиопеи.

Он тут же вспомнил легенду, которую рассказывал старик-астроном, и ее – Анечку. Словно опять услышал тот вальс, их первый вальс на балу в Екатерининском институте.

Как он тогда сопротивлялся, не желая ехать, когда его все-таки назначили в сводную роту, наряженную на бал. Зная, что ротный не выносит лжи и увливания, Михайлов все равно выкручивался как уж на сковородке – и к отцу он должен ехать, и перчаток у него чистых нет, и голова болит – ничего не помогло. А дело было в одном – Кирилла на бал не взяли. Маменька ему приезжать не велела, а еще переэкзаменовка по тригонометрии (попался на испытаниях со шпаргалкой) – Саше не хотелось оставлять друга одного. К тому же у них была одна идея на этот свободный вечер. Но... пришлось ехать. А там – танцевать. На первый же танец он пригласил ее, большеглазую рыжеволосую хохотушку с россытью веснушек на вздернутом носике. Аня – Анна Дмитриевна, как представилась девушка, училась в выпускном классе и по окончании курса собиралась вернуться домой, в Смоленскую губернию, где ее отец служил священником при храме Казанской Божией Матери. Два старших брата ее учились в семинарии. Младший – в том же кадетском корпусе, что заканчивал Михайлов, а обе сестры, здесь же, в Екатерининском, только на пару лет младше – они были близняшками.

Девушка сразу приглянулась Саше – своей улыбкой, общительностью, бьющей через край жизненной силой. Она была настоящая, живая, в отличие от жеманных девиц в Благородном собрании, где до этого Михайлову приходилось бывать на балах.

Протанцевав с Аней тур вальса, он отвел ее к столам с напитками и предложил стакан клюшона, с улыбкой наблюдая, как пьет она маленькими глоточками, обмахиваясь веером и пряча глаза, стоило в их сторону посмотреть ее строгой классной даме. Саша быстро разгадал этот маневр, очень веселясь, – Ане явно сложно было сдерживать эмоции...

Потом была еще кадрили, а пригласив девушку на польку, Михайлов неожиданно получил отказ. Еще больше его удивило, даже обидело то, что Аня пошла танцевать с напыщенным кавалергардом, развязным, наглым и явно старше собравшейся в зале молодежи.

Зато когда в перерыве играли в почту, Саша получил крохотную записочку с несколькими словами, написанными округлым девичьим почерком.

«Мне не велели, у нас не положено больше двух танцев, но если остаетесь на ужин, можете меня повести, и тогда танец после тоже за Вами. А последний перед ужином я пропущу». Записка была подписана литерой «А», вырисованной так красиво, словно это делал художник.

Ужин и следующий танец, закрывавший бал, прошли как в тумане. Михайлов вдруг потерял все свое красноречие, запинаясь и краснея, как какой-нибудь малолетний кадет.

Когда юнкера одевались в рекреации первого этажа, девушки стояли на площадке второго, махая им руками и платочками.

– Душки-юнкера, приезжайте на Светлой, мы будем ждать, – наперебой кричали звонкие девичьи голоса, прерываемые взрывами смеха и окриками классных дам, пытавшихся остановить это безумие...

Саша смотрел на девушек, но видел только одну – Анечку, Анну Дмитриевну Певницкую, в которую, кажется, успел влюбиться по уши.

Выйдя на улицу в снежную звездную ночь, Михайлов посмотрел на небо, но вместо звезд ему светили и улыбались лучистые голубые глаза.

Приехав в училище, он первым делом нашел друга и стал рассказывать ему про бал и Аню. Про то, какая она замечательная, чуткая, милая, как хорошо танцует, и в то же время умница и не кокетка.

Кир слушал как-то вяло, потом сказался уставшим и улегся спать. Радости Михайлова он не разделял – это было впервые в жизни. Саша решил, что друг просто устал, немного обиделся на вынужденное сидение в дортуаре в одиночестве, и тоже уснул.

Утром все было как всегда, пока разговор не зашел о прошедшем бале и об Ане. Михайлов снова списал нежелание Кира слушать и говорить на эту тему обидой на то, что его в Екатерининский не взяли.

Из чувства такта больше Саша с Кириллом на эту тему не заговаривал – до Пасхи.

Пасха в тот год была поздняя, бал в Екатерининском институте назначили перед самыми весенними испытаниями. Снова как на грех Извольского оставили в училище подчищать хвосты. Как ни уговаривал Саша ротного, что позанимается с Кириллом и все будет в норме, на бал того не пустили.

Сам же Михайлов танцевал с Аней, сидел с ней за ужином и даже вышел разок подышать на балкон. Все время от Святков до Светлой они не виделись и почти не переписывались – письма институтки могли получать только от родственников. Буквально пару раз удалось Саше умолить одну из горничных за полушку передать весточку Анечке, как мысленно называл он девушку, да на Благовещение мельком видел ее на хорах Елоховского собора в составе сводного праздничного хора.

Три часа бала пролетели как одно мгновение. Снова были сборы внизу, и девушки, машущие руками с площадки второго этажа. Брошенный меткой рукой платок упал прямо в раскрытые ладони Михайлова. Он театрально прижал руки к груди, поклонился и вышел, бережно зажав подарок в кулаке.

Только в пролетке рассмотрел юнкер, что в угол батистового платочка что-то завязано. Оказалось – медальон с маленькой фотографией и локоном рыжих волос. Саша был счастлив несказанно, но ни с кем разделить своей радости не мог – Извольский опять замкнулся, отказавшись разговаривать о бале и слушать Михайлова...

Испытания прошли как один сплошной кошмар – устные, письменные, чертежи по фортеции, распределение, выдача дипломов и... выпускной бал, снова в Екатерининском.

На этот раз друзья поехали вместе, Кирилл даже познакомился с Аней и вел себя вполне мило – шутил, смеялся, танцевал.

В тот же вечер оба друга были представлены отцу девушки – протоиерею Димитрию Певницкому – тучному мужчине огромного роста, говорящему красивым низким голосом. Отец Димитрий хорошо пел, аккомпанируя себе на гитаре, – это друзья узнали позже, летом,

когда приехали погостить в Смоленскую губернию в семейство Певницких, оказавшихся соседями матери Кириллы, у которой Михайлов и Извольский как обычно проводили вакации.

Встретили их радушно. Городок Михайлову понравился, и однажды вечером, лежа на сеновале, признался он Кириллу, что хотел бы жениться на Анечке. Жить с ней, растить детей, словом, наверное, это и есть его призвание в жизни.

– Ты что, с ума сошел? – Кир закричал так, что всполошились лошади на конюшне. – Какая женитьба? Да и зачем тебе эта дочка поповская? Тебя ждет Академия генерального штаба, служба, хорошая должность! Разве для того ты учился, чтобы вот так все бросить к ногам какой-то рыжей девчонки?

– Она не какая-то, выбирай выражения Кирилл. Аня – моя невеста, я люблю ее и не позволю...

– Ах, невеста?! Быстро ты дружбу нашу на девку променял, – начал Кир, но договорить не успел. Саша схватил его за грудки и стал трясти как грушу, потом, толкнув прочь от себя, соскочил с сеновала.

– Не смей ...так ...говорить... об Анне Дмитриевне... – Михайлов сжал кулаки, едва сдерживаясь, чтобы не отколошматить друга по полной программе. – Собирай вещи, и чтоб духа твоего здесь не было! Сейчас же! Батюшке скажу, что тебя домой срочно вызвали! Только наша многолетняя дружба мешает мне вызвать тебя!

Саша развернулся и ушел в дом, а Кирилл уехал.

Они не виделись больше месяца, но стоило Михайлову вернуться в Москву, как Извольский появился у него на пороге с извинениями, обещаниями и просьбой не рушить их такую крепкую мужскую дружбу... Саша простил.

Вскоре настало время Кириллу подавать документы в Николаевскую академию, а Саше ехать к месту службы в Чернигов, но судьба распорядилась иначе. Дядя Извольского исходатайствовал для племянника место в Академии на льготных условиях, но поскольку просить за одного только Кириллы было зазорно, в прошении на Высочайшее имя было вписано две фамилии, и оба друга стали студентами Академии генерального штаба.

Михайлов с головой погрузился в учебу, а Извольский и тут отлынивал, ища, как бы списать конспект или кому заплатить за работу по картографии, ведь чертить он так толком и не научился.

Они по-прежнему дружили, но за отсутствием у Михайлова свободного времени практически нигде не бывали вместе – на все предложения друга пойти в гости в тот или иной дом, на каток или в офицерское собрание, Саша чаще всего отвечал отказом, потому что дома ждало несделанное задание, вечно болеющая тетушка (денег на съемную квартиру не было, Михайлов жил у пожилой родственницы) и... письма от невесты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.